

Китайские мигранты между двумя наркоматами: история перерегистрации китайского населения восточных регионов СССР в 1936–1937 годах

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120020397-7

Калкаев Евгений Геннадьевич

Научный сотрудник отдела Китая, Институт Востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000–0003–4377–4885. E-mail: kalkaev@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022.

Аннотация:

Статья посвящена малоизвестной истории перерегистрации китайского населения советского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Вопрос о масштабной кампании по упорядочиванию документов китайских мигрантов, получении ими китайских национальных паспортов и видов на жительство в СССР был поставлен в Наркомате иностранных дел еще весной 1934 г. Необходимость кампании вытекала как из традиционной проблемы китайских мигрантов в СССР — отсутствия необходимых для проживания документов, так и из целого ряда новых факторов, ставших актуальными в 1932–1934 гг. После согласования с НКВД и китайскими дипломатами перерегистрация осуществлялась китайскими консульствами с начала сентября 1936 г. по конец апреля 1937 г. и проходила под контролем советских органов.

Несмотря на долгую подготовку, эта кампания не была успешной. С одной стороны, деструктивную роль сыграл НКВД, чья деятельность во многих случаях противоречила задачам перерегистрации, а сотрудники наркомата зачастую нарушали согласованную ранее инструкцию. С другой — во многом из-за препятствий, которые чинил Наркомат иностранных дел, не было осуществлено необходимое информирование китайских мигрантов, многие из которых не понимали смысла перерегистрации. Негативный исход кампании был обусловлен общими изменениями политической ситуации в СССР, которые произошли с момента постановки вопроса о перерегистрации в 1934 г. ко времени ее начала в сентябре 1936 г. и тем более — к ее завершению в конце апреля 1937 г.

Ключевые слова:

СССР, перерегистрация китайцев, китайские мигранты, НКВД, советско-китайские отношения.

Для цитирования:

Калкаев Е.Г. Китайские мигранты между двумя наркоматами: история перерегистрации китайского населения восточных регионов СССР в 1936–1937 годах // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 3. С. 112–128. DOI: 10.31857/S013128120020397-7.

Вопрос упорядочивания режима пребывания китайцев на восточных территориях России стал актуальным еще в конце XIX в., когда поток мигрантов из соседнего государства начал стабильно увеличиваться. Но до самого конца существования Российской империи наладить действенный контроль за въезжающими так и не удалось, не получилось и обеспечить наличие у них необходимых документов: национальных паспортов и российских видов на жительство. В результате у представителей российской стороны не было внятного представления о реальном числе находящихся в стране китайских мигрантов и доле нелегалов среди них. Одни утверждали, что в 1910 г. на Дальнем Востоке страны число китайцев не достигало даже 100 тыс. чел., по другим источникам, оно доходило до 230 тыс.¹

1. Петров А.И. История китайцев в России (1856–1917). СПб.: Береста, 2003. С. 158–159.

После революций 1917 г. и завершения гражданской войны ситуация принципиально не изменилась. Мигранты из соседней страны продолжали незаконно пересекать границу. У многих по-прежнему отсутствовали документы. Меры по укреплению границы в 1930-х гг. не смогли полностью перекрыть нелегальные потоки, а не справлявшиеся с учетом советские административные органы и милиция имели лишь приблизительное представление о количестве выходцев из Китая на своей территории².

В середине 1930-х гг. целый ряд новых факторов заставил Наркомат иностранных дел обратиться к проблеме бездокументных китайцев и приложить усилия для организации перерегистрации китайского населения. Кампания была проведена в 1936–1937 гг., но, несмотря на долгую подготовку, не достигла желаемого результата. Она осталась практически неизвестной и для историков. В этой связи заслуживает внимания упоминание ее в книге Е.Н. Чернолуцкой, которая обнаружила промежуточный вариант инструкции по проведению перерегистрации³. Но этих материалов оказалось достаточно только для того, чтобы составить общее представление о задумке советской стороны, они не позволили установить ни время перерегистрации, ни тем более ход ее проведения. Данная статья призвана восполнить эти лакуны. Для осуществления этой цели я опираюсь прежде всего на фонды секретариата заместителя наркома иностранных дел Б.С. Стомонякова (ф. 09) и референтуры по Китаю (ф. 0100) Архива внешней политики Российской Федерации. В них сохранились материалы переписки с представителями НКВД в регионах, протоколы совещаний в НКВД, справки о перерегистрации, фрагменты переписки с органами НКВД и т.д. Важные архивные источники по этой теме обнаружены и в Архиве Института новой истории Академии Синика (Тайвань). Одно из дел, хранящихся в этом архиве, содержит переписку МИД Китайской Республики с консульствами, а также другие важные документы по этому вопросу.

Вопрос бездокументных китайцев в середине 1930-х гг.

Один из первых факторов, заставивших НКВД в середине 1930-х гг. обратиться к проблеме бездокументных китайцев, был связан с последствиями перерегистрации иностранцев в Восточно-Сибирском крае (ВСК), проведенной в 1932 г. Она опиралась на положения о советском гражданстве, согласно которым лица, чья принадлежность к иностранному гражданству не была доказана, рассматривались как граждане Советского Союза. После завершения этой кампании стало ясно, что подавляющее большинство проживавших в Сибири китайцев по разным причинам ее проигнорировали⁴. Свою роль здесь сыграли и привычка мигрантов находиться в серых зонах правового поля, и отсутствие документов, плохое информирование, отдаленность места жительства и работы. После окончания перерегистрации некоторые из них обращались в консульство Китайской Республики для получения паспортов, но советская сторона отказывалась признать законность таких национальных документов, выданных без достаточных подтверждений. Паспорта изымались милицией и возвращались в консульство, а к их владельцам относились как к советским гражданам⁵.

2. *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 239.

3. *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 251–252.

4. Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ), ф. 0100, оп. 18, п. 181, д. 39, л. 10–11.

5. АВП РФ, ф. 0100, оп. 18, п. 181, д. 39, л. 10–12.

В то же время было зафиксировано и значительное количество случаев, когда выходящим из мест заключения китайцам не возвращали их национальные документы. Взамен в «административном порядке» они получали советские паспорта.

Эти проблемы становились поводами для многочисленных протестов со стороны китайских консульств и посольства Китайской Республики в Москве, но у советской стороны имелись серьезные основания не соглашаться на бесконтрольную выдачу консульствами китайских документов. Советские органы и без того фиксировали неоднократные случаи выдачи консульствами паспортов китайцам, которые до этого уже перешли в гражданство СССР по собственному желанию. Так возникла острая потребность создания действенного механизма для отделения китайцев — советских граждан от не имевших на руках документов и достаточных свидетельств граждан Китайской Республики.

Будучи нерешенной, эта проблема грозила обернуться серьезным оттоком рабочих рук и могла подорвать функционирование тех хозяйственных структур, в которых китайцы играли заметную роль, включая добычу золота и других полезных ископаемых. Многие из китайских работников вовсе не собирались лишаться права на китайское гражданство и оставаться на всю жизнь в СССР. Узнав о грозившей опасности, они могли попытаться массово покинуть советскую территорию. В связи с этим весной 1934 г. на совещании в НКВД было отмечено, что «крайне важно сохранение основного китайского населения этого (Восточно-Сибирского. — *Прим. авт.*) края как крупной рабочей силы в специфических отраслях добывающей и отчасти обрабатывающей промышленности края»⁶.

Еще одним фактором стала начавшаяся в 1933 г. в Дальневосточном крае паспортизация. Т.к. китайское население советского Дальнего Востока значительно превышало количество китайцев в Восточно-Сибирском крае, негативные последствия в результате механистического зачисления этих мигрантов в советское гражданство по той же схеме, что и в Сибири, грозили нанести еще более масштабный урон и советско-китайским отношениям, и экономике региона⁷.

Свою роль сыграл рост напряженности на восточных границах Советского Союза после оккупации Квантунской армией Маньчжурии и создания на ее территории подконтрольного японцам Маньчжоу-го. Пойдя на открытие маньчжурских консульств в Чите и Благовещенске, Советский Союз признал за ними и право выдавать национальные паспорта. Возникла угроза, что маньчжурские консульства могут попытаться организовать массовое вступление китайцев в подданство Маньчжоу-го, что фактически означало бы появление в СССР большого количества подданных этого прояпонского государства. С целью предотвратить даже возможность такого развития событий весной 1934 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов дал указание «предусмотреть мероприятия против создания в СССР колоний подданных Маньчжоу-го»⁸.

Таким образом, к середине 1930-х гг. комплекс проблем вокруг нелегально прибывавших в страну и не имевших необходимых документов китайцев оброс дополнительными обстоятельствами и требовал оперативного решения. Игнорирование этих вопросов могло еще больше осложнить непростые отношения между Китайской Республикой и Советским Союзом, ударить по экономике Сибири и Дальнего Востока, а также сыграть на руку Японии и ее маньчжурскому сателлиту. Выход из создавшейся ситуации советские дипломаты видели в легализации пребывания в СССР не имевших документов китайцев, а ее инструментом — перерегистрацию.

6. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 42.

7. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 39.

8. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 26.

Подготовка и согласования

Основная идея перерегистрации сводилась к разрешению консульствам Китайской Республики выдавать китайским гражданам национальные паспорта, тогда как советская сторона получала возможность контролировать, чтобы паспорта не получили те, кто уже принял советское гражданство или ранее подданство Российской империи. Судя по выявленным документам, впервые этот вопрос был поднят на совещании в правовом отделе НКВД 5 апреля 1934 г. в связи с упомянутыми «недоразумениями», возникшими в Восточно-Сибирском крае, и ограничивался обсуждением перерегистрации только в этом регионе⁹. Однако позже было решено расширить кампанию и на территорию Дальневосточного края (ДВК).

Изначально речь шла о проведении перерегистрации в течение 1934 г., но вскоре стало очевидно, что в такие сроки она не может быть реализована. Механизм перерегистрации обсуждался и в Наркомате иностранных дел, и с представителями ОГПУ (с июля 1934 г. — ГУГБ НКВД (Главное управление государственной безопасности НКВД)). На совещание, проходившее летом 1934 г. во 2-м восточном отделе, был приглашен руководитель 2-го отделения иностранного отдела (ИНО) ОГПУ Я.М. Бодеско, велась переписка с возглавлявшим ИНО ГУГБ НКВД А.А. Слуцким и наркомом внутренних дел Г.Г. Ягодой¹⁰.

Нетипичность предстоящей кампании, попытка учесть многочисленные факторы, которые могли на нее повлиять, вкупе с проволочками на уровне межведомственных согласований привели к задержкам. Согласно подготовленной в НКВД справке, первый вариант инструкции по проведению перерегистрации был составлен уже в апреле 1934 г.¹¹, однако основной рабочий проект был представлен правовым отделом наркомата в марте 1935 г. После внесения изменений заместителем наркома иностранных дел Б.С. Стомоняковым в июле 1935 г. он был направлен в НКВД, а согласие Ягоды было получено лишь в ноябре 1935 г. Последние корректировки в инструкцию вносились уже накануне перерегистрации — в середине июля 1936 г.¹²

Китайские дипломаты в свою очередь на протяжении 1934–1935 гг. продолжали жаловаться на отказы признать действительными выдаваемые консульствами паспорта и навязывание китайцам советского гражданства. О планах перерегистрации представители НКВД заговорили с ними лишь в конце 1935 г., когда проект инструкции был одобрен НКВД. Вслед за этим последовала череда обсуждений, затянувшаяся более чем на полгода. Сотрудники посольства Китайской Республики в целом приветствовали предложенные меры, т.к. они могли решить многие насущные проблемы проживавших в СССР китайцев, но выдвигали ряд неприемлемых условий. В частности, посольство предполагало распространить перерегистрацию даже на тех китайцев, кто оформил советское гражданство по своей воле, а также на всех выходцев из Маньчжурии. Обсуждение сдвинулось с места лишь на фоне начавшейся летом 1936 г. во Владивостоке операции по зачистке китайского квартала «Миллионки». Как отмечал заведующий 2-м восточным отделом Б.И. Козловский, «Ликвидация “Миллионки” и другие мероприятия, которые были проведены в отношении китграждан на Д[альнем] Востоке, были видимо поняты посольством как наш нажим и потому в июле оно быстро отказалось от своих требований и приняло все наши поправки»¹³.

9. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 26.

10. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 24–26.

11. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 26.

12. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 37–42.

13. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 26.

Тогда же, в июле 1936 г., на встрече Стомонякова и поверенного в делах Китайской Республики в СССР У Наньжу был намечен ориентировочный срок перерегистрации, позже принятый как окончательный: с 1 сентября 1936 г. по 30 апреля 1937 г.¹⁴ В завершении переговоров китайская сторона просила подписать двустороннее соглашение, но получила отказ со ссылкой на то, что советские власти не желают «создавать по этому вопросу прецедента»¹⁵. В итоге условились, что для оформления договоренностей посольство направило НКВД ноту, в которой сообщалось, что посольство поручило консульствам в ДВК и ВСК «претворить в жизнь договоренности и соглашения, достигнутые между представителями посольства и комиссариата, закрепленные в Правилах перерегистрации китайских граждан, проживающих в вышеупомянутых районах». При этом указывалось, что «посольство принимает к сведению вербальное подтверждение, сообщенное комиссариатом, что последний, со своей стороны, также дал соответствующие инструкции местным советским властям в Дальневосточном и Восточно-сибирских краях»¹⁶. Ноту сопровождала копия составленных в посольстве правил проведения перерегистрации.

Две инструкции

Финальный вариант инструкции «О порядке оформления гражданства китайцами, проживающими на территории ДВК и ВСК» появился только летом 1936 г. В нем указывалось: «В результате проведения паспортизации в ДВК и ВСК выявлено значительное количество китайцев, не имеющих ни установленных национальных паспортов, ни видов на жительство для иностранцев. Для упорядочения вопроса о гражданстве этих лиц и для изжития практики бездокументного проживания китайцев на территории ДВК и ВСК... НКВД договаривается с Китайским посольством, что китайским консулам в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске и в Чите предоставляется право объявить и провести в течение восьми месяцев с 1/IX 36 по 30/IV 37¹⁷ перерегистрацию консульствами проживающих в ДВК [и ВСК] китайских граждан»¹⁸.

Перерегистрация должна была осуществляться следующим образом: в консульствах составляли списки претендентов на китайское гражданство, не имевших необходимых документов (действующего национального паспорта и/или советского вида на жительство), и передавали их ОВИРа́м местных управлений милиции. Там они рассматривались под руководством специально сформированных троек, в состав которых включался представитель НКВД¹⁹. Задача троек сводилась к тому, чтобы «в 5-тидневный срок с момента получения заявления вынести определенное решение о признании или непризнании данного лица китайским гражданином»²⁰.

В случае наличия у советской стороны данных, что упомянутое в заявлении лицо принимало в прошлом российское подданство или советское гражданство, пред-

14. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 35.

15. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 26.

16. 中央研究院近代史研究所檔案館. 外交檔案 [Архив Института новой истории Академии Синика. Архив внешней политики]. 11–35–09–00–004, 136.

17. В тексте ошибочно после 1937 года добавлено «с.г.».

18. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 65.

19. В Хабаровске — уполномоченный НКВД в Дальневосточном крае; в Благовещенске, Владивостоке и Чите — дипломатические агенты НКВД. Точный состав троек не был определен этой инструкцией, но известно, что в хабаровскую тройку, помимо уполномоченного НКВД, входили начальник краевого управления милиции и оперативный работник управления государственной безопасности местного управления НКВД. См.: АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 184, д. 8, л. 26.

20. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 65–65об.

ставитель НКВД информировал консула, что данный человек «является в силу указанных выше доказательств гражданином СССР, а поэтому не имеет права на получение китайского паспорта». Если же право на китайское гражданство подтверждалось, «то вне зависимости от длительности пребывания этого лица в СССР, отсутствия у него в прошлом национального паспорта он должен быть признан китайским гражданином и по предоставлении национального паспорта ему должен быть выдан установленный вид на жительство для иностранцев». Если действующий китайский паспорт уже имелся, вид на жительство выдавался, соответственно, на его основании. Таким образом, китайцы должны были беспрепятственно получать весь пакет документов, необходимый для проживания в СССР. Информацию о спорных ситуациях, с которыми не могли бы справиться на местах, предполагалось передавать в Москву на решение центральных органов НКВД и НКВД²¹.

Пункт «г» 3-го параграфа инструкции касался тех, несмотря на установление у них советского гражданства, продолжал настаивать на китайском гражданстве. Для них предусматривалась возможность выдачи виз на выезд из СССР²². После истечения восьмимесячного срока, отведенного на перерегистрацию, не получившие паспортов и видов на жительство могли привлекаться к ответственности, но это нарушение не было основанием для признания их советскими гражданами. На раздумье отводилось два месяца, в течение которых они или оформляли китайское гражданство, или получали визу на выезд из СССР²³.

В пункте «д» 3-го параграфа оговаривалась возможность высылки в Китайскую Республику или Маньчжоу-го отдельных «общественно-опасных» лиц и тех, чье присутствие в СССР «нежелательно». При этом подчеркивалось, что «высылка вышеуказанных категорий китайских граждан не должна носить характера массового выселения или характера репрессии». Предполагалось, что высылка должна обязательно согласовываться с уполномоченным НКВД и «иметь место только на основании соответствующего судебного постановления»²⁴. Эти уточнения отражали суть подхода НКВД. Задачей перерегистрации была не «чистка» СССР от враждебных элементов, а введение китайцев в советское правовое поле путем оказания им помощи в получении необходимых документов. После этого, уже не вызывая дополнительных претензий и споров с китайскими дипломатами относительно гражданства, НКВД в соответствии с законодательством мог арестовывать подозрительных лиц и подвергать их предусмотренному наказанию.

Существенным отличием окончательного варианта инструкции от проекта, согласованного в 1935 г., было указание, что нежелательные лица могут высылаться только по решению суда. В предыдущей версии высылка могла происходить внесудебным порядком — по постановлению Особого совещания при НКВД СССР. Таким образом, представители НКВД добились еще одного инструмента сдерживания злоупотреблений со стороны НКВД. Кроме того, в финальном варианте общий срок перерегистрации был увеличен с 6 до 8 месяцев, а также с месяца до двух увеличен период, в который непрощедшие перерегистрацию могли после ее окончания оформить китайские документы²⁵.

Разработанная инструкция носила секретный характер, ее содержание запрещалось разглашать в том числе китайским дипломатам, отвечавшим со своей стороны за ор-

21. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 65об.

22. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 64.

23. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 64.

24. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 64.

25. Ср. с вариантом 1935 г.: Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ), ф. Р-9415, оп. 3, д. 1390, л. 398–401. Выдержки из этого варианта и его пересказ см.: *Чернулицкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 250–251.

ганизацию кампании. В августе 1936 г. Б.С. Стомоняков предупредил представителей наркомата на местах, что в беседах с консулами им не дозволяется ссылаться на текст инструкции. При необходимости они могли «лишь в устной форме говорить об общих положениях, вытекающих из духа нашей инструкции»²⁶.

Чтобы согласовать действия с китайской стороной, сотрудники центрального аппарата НКВД обсуждали с работниками посольства механизмы перерегистрации. На основании этих бесед китайские представители составили свой проект правил, который после нескольких редакций был приведен «в соответствие с нашей инструкцией»²⁷.

В общем он повторял советскую инструкцию, но были и отличия. Представители НКВД оставили скрытым механизм принятия решений, не сообщив посольству, что вопросы принадлежности к советскому гражданству будут рассматриваться тройками. По понятным причинам не сообщили посольству и о пункте «г», оставлявшем возможность выдачи выездных виз принявшим советское гражданство, и, конечно, о пункте «д», который допускал высылку подозрительных китайцев, хотя и препятствовал массовости этого явления.

В китайском тексте специально упоминалось, что «советские местные органы власти должны всеми силами содействовать китайским консульствам в извещении китайских граждан, проживающих в упомянутых регионах (т.е. ДВК и ВСК. — *Прим. авт.*) для явки на регистрацию»²⁸. Китайские дипломаты придавали большое значение вопросу информирования и, как видно из этой цитаты, рассчитывали на серьезную помощь местных властей.

Т.к. консульские округа на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири не покрывали всей территории проживания китайского населения в этих регионах, они по предложению посольства были поделены для перерегистрации между четырьмя консульствами следующим образом. Генеральное консульство во Владивостоке проводило перерегистрацию среди живущих в Приморской и Уссурийских областях ДВК, генконсульство в Хабаровске — в Хабаровской, Нижнеамурской, Камчаткой и Сахалинской областях ДВК, а также, судя по другим документам, в Еврейской автономной области²⁹, генконсульство в Благовещенске — в Амурской и Зейской областях ДВК, а также в Якутской АССР, консульство в Чите — в Читинской области в границах до декабря 1934 г. и в ВСК, включая Бурят-Монгольскую АССР³⁰.

От 1934-го к 1936-му

Документы о проведении перерегистрации, сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации, в том числе сообщения представителей НКВД в регионах, межведомственная переписка НКВД и НКВД на местах и в центре, свидетельствуют о том, что, несмотря на долгие согласования, перерегистрация проходила в условиях серьезных разногласий между двумя наркоматами. Противоречия возникали на всем протяжении кампании и к концу их количество только увеличивалось. Во многом они были обусловлены теми изменениями, которые произошли в стране с момента постановки вопроса о необходимости перерегистрации весной 1934 г. до ее начала в сентябре 1936 г. и тем более — к ее окончанию в апреле 1937 г. За два с половиной — три года страна про-

26. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 12–13.

27. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 13.

28. 中央研究院近代史研究所檔案館. 外交檔案 [Архив Института новой истории Академии Синика. Архив внешней политики]. 11–35–09–00–004, 128.

29. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 43, л. 64.

30. 中央研究院近代史研究所檔案館. 外交檔案 [Архив Института новой истории Академии Синика. Архив внешней политики]. 11–35–09–00–004, 132.

шла путь от относительно «умеренного» курса, дававшего надежду на укрепление «социалистической законности» и снижение террора³¹, до начала нового мощного витка репрессий 1937–1938 гг. При этом раздуваемая сверху шпиономания напрямую отражалась и на проживающих в СССР китайцах, которые традиционно рассматривались чекистами как «база» японского шпионажа.

Перерегистрация совпала со сменой руководства НКВД. Если инструкция согласовывалась с Ягодой, то в сентябре 1936 г., меньше чем через месяц после начала кампании, его место занял Н.И. Ежов. Будучи активным сторонником курса на ужесточение репрессий, новый нарком вряд ли считал перерегистрацию значимым событием, тем более что установки на очищение страны от любых потенциальных угроз ставили под вопрос саму возможность проживания в приграничных территориях значительного количества иностранных граждан.

Стремительно меняющийся политический курс наглядно иллюстрирует позиция И.М. Варейкиса, который в январе 1937 г. возглавил Дальневосточный краевой комитет партии. По словам уполномоченного НКВД в Дальневосточном крае А.Р. Мэнни, ознакомившись в начале года с инструкцией, Варейкис в присутствии начальника управления НКВД по ДВК Т.Д. Дерибаса прямо заявил, что «считает перерегистрацию в корне неправильной»³² и противоречащей как международному праву и практике, так и нашему престижу»³³. С его точки зрения, перерегистрацию должны были проводить не китайские консульства, а «наши власти», которые «сами бы решали, кому из этих бездокументных китайцев разрешить остаться в крае и помочь им оформить советское гражданство, также кого выслать или судить (обязательно через Тройки НКВД), и допустить только некоторой части этих китайцев получить национальные паспорта из китайских консульств»³⁴.

Варейкис даже намеревался отправить в ЦК ВКП(б) телеграмму с предложением не давать китайским консульствам распространять информацию о перерегистрации и позволить перерегистрировать лишь тех, кто сам приходил в консульства, а также с призывом считать всех китайцев с советскими паспортами советскими гражданами³⁵. Известно, была ли отослана эта телеграмма, однако подобные высказывания руководителя края в присутствии начальника местного управления НКВД не могли не отразиться на отношении управления к идущей кампании.

Кроме того, важно учитывать, что региональные управления госбезопасности НКВД и милиция в каком-то смысле вообще не были заинтересованы в перерегистрации. Ведь до этого они имели возможность относительно вольно арестовывать бездокументных китайцев и разбирать их дела во внесудебном порядке на том основании, что у арестованных не было свидетельств принадлежности к иностранному гражданству. С этой точки зрения, действующие китайские паспорта и виды на жительство доставляли НКВД немало хлопот, связанных с соблюдением установленных формальностей, что требовало перестройки привычной работы. А на это, как отмечал Мэнни, «органы» шли «весьма туго»³⁶.

Так обстоятельства, в которых проходила перерегистрация, во многом предопределили те трудности, с которыми столкнулось ее проведение. Механизм же, при котором успех кампании во многом зависел от деятельности структур НКВД, не имевших особых

31. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 177–231.

32. В тексте несогласованное «неправильным».

33. АВП РФ, ф. 09, оп. 27, п. 110, д. 28, л. 24.

34. АВП РФ, ф. 09, оп. 27, п. 110, д. 28, л. 24.

35. АВП РФ, ф. 09, оп. 27, п. 110, д. 28, л. 23–24.

36. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 184, д. 8, л. 26.

стимулов для ее успешного осуществления, провоцировал многочисленные противоречия между НКВД, НКВД и китайскими дипломатами.

Между двумя наркоматами

Перерегистрация началась со значительной задержки в основном регионе проживания китайцев. Хотя она начиналась 1 сентября 1936 г., управление НКВД (УНКВД) по Дальневосточному краю получило инструкцию и указания только 7-го числа, а разослало их на места лишь в 20-х числах сентября, отодвинув почти на месяц начало кампаний³⁷.

Уже на первых порах остро встал вопрос о соблюдении пятидневного срока, в который тройки должны были давать ответ китайской стороне. Так, несмотря на то, что УНКВД по ВСК еще в конце 1935 г. разослало по региону распоряжение провести подготовительные мероприятия, выявить и составить списки китайцев со спорными вопросами о гражданстве и проживающих без документов, в должной мере эта работа проведена не была. В ноябре 1936 г. Стомоняков писал Ежову о несоблюдении сроков проверки со стороны структур НКВД. По переданной из Читы информации, «за полтора месяца из сделанных китайским консульством заявок на 120 лиц, претендующих на китайское гражданство, тройка, образованная для проведения перерегистрации, дала заключение в отношении только 40 лиц, и то лишь по истечении 3-х недель со времени заявки... Заявления остальных 80 человек не могли быть рассмотрены из-за отсутствия на них данных у местного Управления милиции и сектора НКВД, которые не провели заранее соответствующей подготовительной работы и стали запрашивать районы только после начала перерегистрации»³⁸.

Аналогичная ситуация складывалась и в Дальневосточном крае, где дело доходило до того, что сотрудники милиции утверждали, что уже отправили проверенные списки, а на самом деле посылали их через несколько дней³⁹. Нерегулярно собирались и одобряющие списки тройки. В октябре 1936 г. уполномоченный НКВД докладывал из Хабаровска: «Созданную в крае тройку (в составе меня, начальника краевого управления милиции, т. Бокша и одного оперативного работника органов) весьма трудно заставить регулярно собираться, ибо представители органов всегда заняты “другими более важными делами” и настаивают отложить заседание “на денек-другой”»⁴⁰.

Таким образом, если к концу 1936 г. в ДВК этот вопрос был частично улажен, то в Восточной Сибири задержки продолжались до самого конца перерегистрации. Об этом свидетельствует тот факт, что 9 июля 1937 г. заведующему 2-м восточным отделом НКВД Б.И. Козловскому пришлось обращаться к начальнику ОВИР ГУРКМ НКВД Фокину с просьбой урегулировать вопрос со списком проживающих в Сибири китайцев, который к тому времени проверяли более двух месяцев⁴¹.

Параллельно возникали многочисленные трудности с выдачей видов на жительство, которая иногда тянулась месяцами⁴². По утверждению китайского генконсула во Владивостоке, обеспеченные китайцы поначалу даже платили за продление ВНЖ огромные деньги — до 300 рублей⁴³. В некоторых случаях от мигрантов требовали справки с

37. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 184, д. 8, л. 26.

38. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 56.

39. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 184, д. 8, л. 26.

40. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 184, д. 8, л. 25–26.

41. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 53.

42. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 184, д. 8, л. 24.

43. 中央研究院近代史研究所檔案館. 外交檔案: [Архив Института новой истории Академии Синика. Архив внешней политики]. 11–35–09–00–004, 191.

работы. А в Благовещенске не имевшим постоянной работы или имевшим ее недавно выдавали ВНЖ только на один или два месяца⁴⁴.

Если задержки в проверке консульских списков и в выдаче ВНЖ можно объяснить не только нежеланием ОВИРов ускорять процесс перерегистрации, но и техническими трудностями, связанными с проверкой значительных массивов информации, то в других вопросах несложно увидеть принципиальные расхождения между позициями наркоматов иностранных и внутренних дел.

Документы, относящиеся к концу 1935 г., свидетельствуют, насколько разное прочтение могли получать согласованные правила перерегистрации. Рассылая по региону проект инструкции, как позже стало понятно — неокончательный, руководство УНКВД по Восточно-Сибирскому краю указывало в сопроводительном письме: «Для завершения проводимого нами в последнее время оперативного нажима на кит. колонии в целях выявления консульских шпионских связей и разгрома базы консульства Маньчжоу-Го, перешедшего на массовое использование китайцев по линии шпионажа, необходимо полностью использовать разделы «д» [о высылке «нежелательных» и «общественно опасных» лиц] и «ж» [о привлечении к ответственности после окончания срока перерегистрации] посылаемой Вам инструкции в целях покончить с беспаспортным и подозрительным элементом»⁴⁵. То есть в то время как, по замыслу авторов инструкции, высылка не должна была принимать массовый характер и могла использоваться лишь в исключительных случаях, руководство управления НКВД по ВСК, наоборот, концентрировалось на активном использовании допускающего ее раздела.

Неудивительно, что в ходе перерегистрации представителям НКВД приходилось сталкиваться с неоднократными жалобами консулов на продолжавшиеся аресты китайских граждан по причине отсутствия у них документов. Аресты вопреки инструкции не согласовывались с сотрудниками НКВД, а дела рассматривались во внесудебном порядке. В ноябре 1936 г. уполномоченный НКВД в ДВК сообщал в Москву, что УНКВД по ДВК продолжает устраивать «массовые облавы» в отношении китайских граждан. Только в ходе двух таких облав, произошедших в Хабаровске и Биробиджане, были задержаны около ста китайцев, большинство из которых после допросов отпустили, но десять человек оставили под арестом. По словам А. Мэнни, «частным образом» ему стало известно, «что несколько человек из этих задержанных в Хабаровске и Биробиджане китайцев были осуждены внесудебным порядком на местной “тройке” НКВД и заключены в лагерь»⁴⁶. Как выяснилось позже, невзирая на идущую кампанию, их приговорили к различным срокам именно как «злостных бездокументных»⁴⁷. Что касается Восточной Сибири, там, по сообщению местного дипломатического агента, представители милиции и госбезопасности в начале перерегистрации вообще пытались поставить «вопрос о высылке из пределов СССР около 20 % китайцев»⁴⁸.

Подобные шаги вызывали решительные протесты НКВД. В конце ноября 1936 г. Стомоняков пытался разъяснить Ежову, что такие «мероприятия противоречат нашим интересам, ибо осуществление их привело бы к тому, что китайцы начали бы рассматривать перерегистрацию... как меру, предпринятую с целью “чистки” китайской колонии на нашем Дальнем Востоке, и, в результате, стали бы уклоняться от этой перерегистрации»⁴⁹.

44. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 28.

45. ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 1390, л. 405.

46. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 43, л. 54.

47. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 2.

48. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 56.

49. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 55–56.

Вероятно, это письмо имело определенный эффект, т.к. тема масштабных арестов почти исчезла из сообщений представителей НКВД. Однако до конца перерегистрации приходили сообщения о том, что в некоторых регионах за нарушение паспортных правил продолжали взиматься штрафы⁵⁰.

Еще одним неприятным сюрпризом для сотрудников НКВД и китайских консулов стало отнесение НКВД значительной части приграничных территорий ДВК к пограничным зонам. В основе этого решения лежало постановление ЦИК и СНК от 17 июля 1935 г., регулирующее правила въезда и проживания в пограничных полосах и зонах. При этом границы запретных территорий должны были устанавливаться позже специальными постановлениями правительства⁵¹. Хотя проект о пограничных зонах на Дальнем Востоке существовал⁵², он так и не был принят, увязнув в межведомственных соглашениях и утратив свою актуальность 1 февраля 1938 г. в связи с решением Политбюро «О запретной пограничной зоне и пограничном режиме» на Дальнем Востоке⁵³.

Руководящие сотрудники НКВД знали об этих планах, но к концу 1936 г. они не казались актуальными. Тем более что в случае переселения из пограничной зоны 2-й восточный отдел предполагал настаивать, чтобы оно «было проведено организованно и через посредство авторитетной правительственной комиссии»⁵⁴.

Тем не менее уже в начале января 1937 г. произошли первые инциденты, когда китайцев из Шкотовского района, выехавших на перерегистрацию во Владивосток, после возвращения на место жительства отказались прописать. На протесты дипломатического агента начальник УНКВД Приморской области Я.С. Визель ответил, что «все районы Приморской области за исключением Артёма и Сучана относятся к погран. полосе и въезд в погранполосу может быть разрешен только при наличии соответствующего пропуска погранотряда. Въезд в погранполосу на постоянное жительство иностранцам вообще запрещен... Если они раньше нелегально там жили, это не значит, что мы пойдем на узаконение этого недопустимого положения. За появление в погранполосе без визы погранотряда будем арестовывать и судить»⁵⁵.

В своем ответе Стомонякову Ежов также сослался на «закон 17 июня 1935 г.», хотя должен был прекрасно знать, что решение СНК СССР по этому проекту еще не было принято. Вскоре количество выселяемых и тех, кому не давали вернуться, стало исчисляться уже десятками человек и постоянно возрастало. Судя по всему, в Приморье эти акции затронули прежде всего проживавших в Шкотовском и Ольгинском районах. Как следовало из информации китайского генконсульства во Владивостоке, выселяемым отводили на сборы от 24-х часов до 3-х дней, которых было недостаточно для устройства личных дел и продажи имущества.

По той же причине началась высылка китайцев из Амурской области. Как докладывал в конце марта дипломатический агент НКВД в Благовещенске Б.Е. Неймарк: «У нас тут не было ни одного случая высылки китайцев из СССР, зато много случаев высылки китайцев из пограничной полосы, а стало быть, и из Благовещенска. Одно

50. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 44.

51. Постановление ЦИК СССР № 12, СНК СССР № 1487 от 17.07.1935 «О въезде и проживании в пограничных полосах». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31177#042084147517978476> (дата обращения: 16.03.2022).

52. ГА РФ, ф. 5446, оп. 22а, д. 67, л. 40–43.

53. Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 121.

54. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 54.

55. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 10. Хотя в ответе Визеля говорилось о пограничной полосе, на самом деле речь шла именно о запретных пограничных зонах, что видно из охвата упоминаемых территорий.

время эта высылка приняла массовый характер. Во многих случаях я приходил к убеждению, что и для высылки из Благовещенска оснований не было или их было недостаточно». Но здесь, по словам автора донесения, он со временем сумел добиться от местных структур НКВД обязательного согласования с ним вопросов по конкретным выселяемым, и это «сразу понизило количество выселяемых в несколько раз»⁵⁶. Все эти инциденты, как указывал Стомоняков, в конечном итоге подрывали сам ход перерегистрации и отпугивали от нее китайцев.

Упомянув о множественных нарушениях инструкции, нельзя проигнорировать и еще один фактор, негативно повлиявший на перерегистрацию, а именно плохое информационное обеспечение кампании.

Как уже было отмечено, НКВД отказался подписать с китайским посольством письменные договоренности о перерегистрации, сославшись на то, что СССР не хотел официально создавать подобный прецедент. Действительно, руководство наркомата серьезно опасалось, что права на аналогичную кампанию могут потребовать представители Маньчжоу-го или Японии, поэтому в идеале советские дипломаты предпочли бы, чтобы о перерегистрации распространялось как можно меньше сведений. В этом контексте необходимость оповещения и разъяснения сути перерегистрации проживавшим в отдаленных районах ДВК и ВСК китайцам вступала в противоречие с желанием не привлекать к кампании повышенного внимания.

Проблема распространения информации осознавалась и обсуждалась в аппарате НКВД, но подходящего решения так и не было найдено. Менее чем за месяц до начала кампании в наркомате даже не могли определиться, разрешать или нет китайским консульствам публикацию в прессе соответствующих объявлений⁵⁷. Осознавали эту трудность и китайские дипломаты. Явно не случайно в согласованных с советской стороной правилах говорилось о необходимости содействия местных властей извещению китайцев. Тем не менее представители Китайской Республики были вынуждены уступить требованиям советской стороны. Судя по имеющимся документам, столкнувшись с противодействием НКВД, они отказались от плана публикации и расклейки объявлений. Отдельные фрагменты переписки НКВД и дипломатических агентов дают основания предположить, что консульствам было разрешено неофициально через посетителей распространять извещения, но при этом дипагенты настаивали, чтобы в тексте ничего не говорилось о перерегистрации, а только о необходимости явки в консульства⁵⁸.

Когда в марте 1937 г. китайский консул в Благовещенске все же попросил дипломатического агента помочь провести широкое оповещение о завершающейся перерегистрации путем расклейки объявлений на улицах и публикации их в прессе, он получил скрытый отказ. Как сообщал дипагент в Москву: «Я им дружески посоветовал не делать ни того, ни другого, так как привлечение излишнего внимания к этому делу “некоего учреждения на Кооперативной улице” (так они именуют Маньчжурское консульство) привело бы вероятно к мероприятиям со стороны последнего, имеющим целью срыв указанной перерегистрации»⁵⁹. В итоге консульству пришлось ограничиться лишь рассылкой уведомлений по известным адресам, чего, конечно, было недостаточно.

Ситуацию, сложившуюся в Восточной Сибири, характеризует донесение, направленное в середине февраля 1937 г. дипломатическим агентом в Чите П.И. Рыжовым. Сообщая о низких темпах перерегистрации, он писал: «Местные органы заверяют нас о том, что они оповестили всех китайцев, проживающих в районе Читинского сектора

56. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 44.

57. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 12.

58. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 34–35.

59. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 45.

НКВД, по их утверждению о проходящей перерегистрации знают и китайцы, проживающие в Иркутске, в Улан-Удэ и др. районах, ... что касается китайцев работающих на приисках, которых должно быть много, приходится усомниться в оповещении их, так как с приисков китайцы ещё не появлялись в консульстве». Помимо этого, с его точки зрения, неявка китайцев могла объясняться «большой отдаленностью китконсульства и обстоятельствами, связанными с поездкой в Читу из районов, трудностью сесть на поезд, боязнью оказаться без ночлега при приезде в Читу, большими расходами, некоторые связаны с работой в предприятиях и на приисках и т.п.»⁶⁰.

Когда читинский консул сообщил о намерении посетить Иркутск и Улан-Удэ для выяснения, почему китайцы не приезжают на перерегистрацию, руководство 2-м восточным отделом НКВД сочло такую поездку нежелательной. В качестве определенной компенсации была допущена пересылка документов в консульство почтой, но без соответствующей информационной кампании всего за месяц до окончания перерегистрации⁶¹, это не могло коренным образом переломить ситуацию.

Завершение кампании

16 апреля 1937 г., за две недели до конца перерегистрации, нарком иностранных дел Литвинов написал Ежову, что поддерживает просьбу китайского посла продлить кампанию еще на 3 месяца. Вслед за послом он ссылаясь на месячную задержку начала перерегистрации в ДВК, проблемы с извещением китайских граждан, а также холодное время года, затрудняющее во многих случаях приезд китайцев в консульства⁶². Не получив ответа, Литвинов вторично обратился с просьбой к наркому внутренних дел 27 апреля, когда до конца перерегистрации оставалось всего три дня. На этот раз он отметил, что согласен продлить ее на месяц, то есть на срок, на который начало кампании задержалось по вине советской стороны⁶³.

Ответ был получен только 10 мая и направлен не Ежовым, а его первым заместителем М.П. Фриновским на имя первого заместителя наркома иностранных дел В.П. Потёмкина. В своем сообщении Фриновский утверждал, что якобы никакой задержки по вине НКВД не было и «независимо от этого, 8-ми месячный срок должен быть признан вполне достаточным для любой области СССР»⁶⁴. Кроме того, он напоминал, что у запоздавших с оформлением в соответствии с инструкцией будут еще два «льготных» месяца. Такая демонстративная задержка с ответом вместе с отрицанием ответственности НКВД за затягивание начала перерегистрации лишний раз иллюстрируют тот факт, что руководство НКВД уже не интересовалось успешным завершением этой кампании.

Финальные цифры кампании к настоящему времени остаются неизвестны, в архивах удалось обнаружить лишь отрывочные данные. Например, к первой декаде февраля 1937 г., то есть после пяти с лишним месяцев кампании, консульство в Чите посетили более 500 человек и «всего до 400» из них были к этому времени перерегистрированы. Так как у значительной части пришедших мигрантов все документы были в порядке, консульство передало списки только на 231 человека, но из них проверены ОВИРом и перерегистрированы консульством были лишь 108. Ответы об остальных 123 задерживались по причине отсутствия у милиции данных⁶⁵.

60. АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35, л. 30–33.

61. Сообщение было отправлено из Москвы в Читу 21 марта 1937 года. (АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 43.)

62. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 46–46об.

63. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 47.

64. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 50.

65. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 33.

К этому времени, по утверждению китайского консула, перерегистрацию в Восточно-Сибирской области и Бурят-Монгольской АССР прошло менее 10 % мигрантов⁶⁶. Но если сравнить приводимые цифры с предварительными материалами переписи населения СССР 1937 г., получится, что количество перерегистрированных было даже меньше 5 %⁶⁷.

Не намного лучше сложилась ситуация на Дальнем Востоке. По сообщению из Благовещенска, к концу марта, т.е. всего за месяц с небольшим до окончания кампании, в Амурской и Зейской областях ДВК вместе с Якутской АССР было перерегистрировано 1450 китайцев. Если оценка дипломатическим агентом Б.Е. Неймарком их общего количества в 6 000 человек соответствовала действительности, получается, что перерегистрированы были около 25 %. При этом дипагент писал, что «было очень мало спорных дел китайцев претендующих на кит. подданство — таких бездокументных китайцев было примерно десятка три. Почти всех мы признали кит. подданными и большая часть их уехала на родину». По его мнению, само «обращение за кит. паспортом было следствием желания уехать на родину»⁶⁸.

Упоминались в сообщении Неймарка и те, кого сделали советскими гражданами в «административном порядке». Он писал, что «пришлось признать кит. подданными десятка два китайцев с Сов. паспортами». Это были получившие годовичные советские паспорта при освобождении из Дальневосточных лагерей или местных тюрем⁶⁹.

Что касается генерального консульства во Владивостоке, перерегистрирующего самые заселенные китайцами регионы СССР: Приморскую и Уссурийскую области ДВК, то благодаря сохранившемуся докладу генконсула в министерство иностранных дел Китайской Республики, написанному 23 июня 1937 г., мы имеем возможность ознакомиться с данными на конец кампании. По этой информации, до окончания перерегистрации в консульство обратилось 10 899 человек, которые заполнили опросные листы, переданные советской стороне. К концу мая завершили все формальности, получили документы и были перерегистрированы 9 970 человек, а 600 с лишним — еще не пришли в генконсульство, чтобы отметить и забрать паспорта. В отношении 28 обладателей советского гражданства по их просьбе начались переговоры о возможности восстановления их в гражданстве Китайской Республики, а в отношении гражданства еще 30 человек советские органы продолжали разбирательство⁷⁰.

Бросается в глаза, что если в цифры отчета не вкралась ошибка, то в нем не упоминаются обстоятельства дел 200 с лишним человек. Возможно, это были признанные советскими гражданами, но не ставшие подавать прошения о возвращении китайского гражданства, но не исключены и другие варианты.

Хотя это все данные, которыми мы располагаем на данный момент, их вполне достаточно, чтобы утверждать: перерегистрация не смогла достигнуть своей цели, то есть охватить если не все, то подавляющее большинство китайского населения советского Дальнего Востока и Восточной Сибири. С известной долей уверенности можно предположить и то, что в некоторых регионах (прежде всего в Восточно-Сибирской области и Бурят-Монгольской АССР) была перерегистрирована меньшая часть мигрантов. В то же

66. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 32–33.

67. По данным переписи, в Читинской, Иркутской областях и Бурят-Монгольской АССР всего проживало 11 882. См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. С. 91, 93, 104.

68. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 45.

69. АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28, л. 44–45.

70. 中央研究院近代史研究所檔案館. 外交檔案: [Архив Института новой истории Академии Синика. Архив внешней политики]. 11–35–09–00–004, 191–192.

время цифры по Приморской и Уссурийской областям ДВК, где проживало большинство китайцев, нельзя назвать незначительными.

* * *

Как было показано выше, необходимость перерегистрации китайского населения в восточной части СССР к 1934–1935 гг. возникла после того, как к существовавшей многие десятилетия проблеме нелегальных и бездокументных мигрантов добавился целый комплекс новых факторов. Среди них были последствия неудачной перерегистрации иностранцев в Восточной Сибири и случаи «административного» перевода китайцев в советское гражданство, угроза оттока рабочих рук и вероятность массового принятия китайцами гражданства Маньчжоу-го.

Механизмом для разрешения трудностей, связанных с правовым регулированием пребывания китайцев в стране, должна была стать предложенная НКВД перерегистрация. Осуществляли ее китайские консульства, которым было позволено выдавать национальные паспорта лицам, в отношении которых у советских органов не было данных об их переходе в гражданство СССР или принятии российского подданства. Инструкция для проведения этих мероприятий подготавливалась в Наркомате иностранных дел в контакте с НКВД, после чего часть ее основных положений была согласована с представителями китайского посольства.

Итоги кампании нельзя назвать удовлетворительными. Непосредственные причины этого можно обнаружить в конкретных недостатках работы органов милиции и чекистских подразделений Наркомата внутренних дел, которые не смогли или не захотели обеспечить проверку поступавших из консульств материалов в оговоренные сроки. К ним надо отнести и те действия НКВД, которые прямо нарушали букву и дух согласованной инструкции, начиная от предъявления различных дополнительных требований к ходатайствующим о выдаче видов на жительство и заканчивая несогласованными с НКВД арестами, внесудебными приговорами, выселениями из мест проживания и т.п. Нельзя не признать и того, что одним из основных негативных факторов, сказавшихся на перерегистрации, было отсутствие должным образом подготовленной информационной кампании. Наркомат иностранных дел до самого последнего момента не смог определиться, каким образом осуществлять информирование китайских граждан, в результате чего этот ключевой вопрос так и не был решен, а обещанная помощь местных властей была неэффективной.

В то же время эта множественность причин в немалой степени была обусловлена политическими трансформациями второй половины 1930-х гг., в ходе которых произошел переход от относительно «умеренного» курса к политике усиления репрессий и менялось отношение к представителям трансграничных национальностей. В конце 1936 г., а тем более в 1937 г., предлагаемые НКВД мероприятия во многом утратили свою актуальность. Большая часть факторов, заставивших НКВД обратиться к вопросам легализации пребывания китайского населения СССР, в глазах партийного руководства отошла на второй план, акцент все больше смещался на полное очищение страны и особенно приграничных территорий от всех вызывающих хоть какое-то подозрение. Соответствующие тенденции доминировали и в органах НКВД. В этих обстоятельствах шансы сделать перерегистрацию успешной значительно снизились, что отразилось на ее результатах.

Литература

- АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации), ф. 09, оп. 27, п. 110, д. 28.
АВП РФ, ф. 0100, оп. 18, п. 181, д. 39.
АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 184, д. 8.
АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 35.
АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 43.

АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, п. 188, д. 28.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007.

ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. Р-5446, оп. 22а, д. 67.

ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 1390.

Петров. А.И. История китайцев в России (1856–1917). СПб.: Береста, 2003.

Постановление ЦИК СССР № 12, СНК СССР № 1487 от 17.07.1935 «О въезде и проживании в пограничных полосах».

URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31177#042084147517978476> (дата обращения: 16.03.2022).

Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 162, д. 22.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011.

中央研究院近代史研究所檔案館. 外交檔案 [Архив Института новой истории Академии Синика. Архив внешней политики]. 11–35–09–00–004.

Chinese Migrants between Two People's Commissariats: the History of the Re-registration of the Chinese Population of the Eastern Regions of the USSR in 1936–1937

Evgeny G. Kalkaev

Research fellow, China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: Rozhdestvenka 12, Moscow, Russia. 107031). ORCID: 0000–0003–4377–4885.
E-mail: kalkaev@gmail.com.

Received 20.05.2022.

Abstract:

The article is devoted to the little known history of the re-registration of the Chinese population of the Soviet Far East and Eastern Siberia. The purpose of this large-scale campaign was to solve problems with the issuance of Chinese national passports and residence permits to Chinese migrants. The need for the campaign arose both from the "traditional" problem of Chinese migrants in the USSR — the lack of necessary documents, and also from a number of new factors that emerged in 1932–1934. The issue of the need for this re-registration was raised by the People's Commissariat for Foreign Affairs in the spring of 1934. After mutual approval by the NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs) and Chinese diplomats, re-registration was carried out from the beginning of September 1936 to the end of April 1937. It was carried out by the consulates of the Republic of China under control of Soviet authorities.

Despite the long preparation, this attempt was not successful. On the one hand, a negative role was played by the NKVD. The activities of this People's Commissariat in many cases contradicted the tasks of re-registration. Representatives of the NKVD often directly violated the instructions. On the other hand, largely due to the obstacles that the People's Commissariat of Foreign Affairs was putting up, the necessary information was not provided to Chinese migrants, many of whom did not understand the meaning of re-registration. But above all, such result of the campaign was due to the general changes in the political situation in the USSR, which occurred from the time the issue of re-registration was raised in 1934 to the time of its starting in September 1936 and, moreover, to the end of re-registration at the end of April 1937.

Key words:

USSR, re-registration of Chinese, Chinese migrants, People's Commissariat for Foreign Affairs, NKVD, Soviet-Chinese relations.

For citation:

Kalkaev E.G. Chinese Migrants between Two People's Commissariats: the History of the Re-registration of the Chinese Population of the Eastern Regions of the USSR in 1936–1937 // Far Eastern Studies. 2022. No. 3. Pp. 112–128. DOI: 10.31857/S013128120020397-7.

References

AVP RF (Arkhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. f. 09, op. 27, p. 110, d. 28. (In Russ.)

- AVP RF, f. 0100, op. 18, p. 181, d. 39. (In Russ.)
- AVP RF, f. 0100, op. 20, p. 184, d. 8. (In Russ.)
- AVP RF, f. 0100, op. 20, p. 186, d. 35. (In Russ.)
- AVP RF, f. 0100, op. 20, p. 186, d. 43. (In Russ.)
- AVP RF, f. 0100, op. 21, p. 188, d. 28. (In Russ.)
- Chernoluckaya E.N.* Prinuditel'nye migracii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg [Forced migrations in the Soviet Far East in the 1920s–1950s]. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. (In Russ.)
- GA RF (Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. R-5446, op. 22a, d. 67. (In Russ.)
- GA RF, f. R-9415, op. 3, d. 1390. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V.* Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [Master of the House. Stalin and Consolidation of the Stalinist Dictatorship]. M.: ROSSPEN, 2010. (In Russ.)
- Petrov A.I.* Istoriya kitajcev v Rossii (1856–1917) [The History of the Chinese in Russia: 1856–1917]. SPb.: Beresta, 2003. (In Russ.)
- Postanovlenie CIK SSSR No. 12, SNK SSSR № 1487 17.07.1935 «O v'ezde i prozhivanii v pogranichnykh polosakh» [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR No. 12, Council of People's Commissars of the USSR No. 1487 of 17.07.1935 "On Entry and Residence in Borderland"]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31177#042084147517978476> (accessed: 16.03.2022). (In Russ.)
- Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, op. 162, d. 22. (In Russ.)
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov [The All-Union Census of 1937: Overall Results. Collection of Documents and Materials]. M.: ROSSPEN, 2007. (In Russ.)
- 中央研究院近代史研究所檔案館. 外交檔案 [Archives of Institute of Modern History (Academia Sinica), Diplomatic Archive]. 11–35–09–00–004. (In Chin. and Russ.)